

Юрий
Мамакин

Адрес
личного
счастья

Юрий
Мамакин

О
Дрес
личного
счастья

повести

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

ББК84 1
М 22

Художник Эрнест Арнольд

4702010200—414
М 083(02)—85 85—86

© Издательство
«Советский писатель», 1985 г.

**адрес
личной
счастья**
повесть

У Егорова слегка побаливала голова, когда он, проснувшись, хмуро осматривал гостиничный номер с остатками ужина и двумя грязными тарелками на столе. Он встал, кое-как размялся, привел себя в порядок, вымыл посуду и принялся без особой охоты за кефир, просто потому, что так надо: утром — кефир. Егоров не очень огорчился, что со вчерашними гостями пришлось так долго сидеть и выпить столько чашек крепкого кофе, компания состояла из людей внушительных и нужных. К ним он еще не раз обратится с просьбами. Хотя просьбы здесь и ни при чем. Если человек «не на месте», так никакими просьбами он не удержится, это и коню понятно. Просто тут сама по себе подобралась симпатичная компания, так что даже резкие производственные споры доставляли всем искреннее удовольствие, и, словом, что было, то было. Не в характере Егорова мурыжить в мозгах всякие мелочи. Мозгов не хватит.

Командировочный свой день Егоров решил начать с визита в проектный институт. Вопрос там пустяковый, как раз для начала и подойдет. А главные проблемы были в министерстве. Собственно, ради них он приехал, к ним и приступит, скажем, часов в двенадцать. Стало быть, сначала — в проектный институт, он тут неподалеку.

В троллейбусе Егоров еще раз бегло просмотрел типовой альбом резервуара и в штампе опять наткнулся на эту фамилию — Завьялов. Руководитель группы. Когда-то, еще в институте, был у них на потоке один Завьялов. Может, тот самый?.. Егоров его едва припоминал, учились они на разных факультетах, да и времени минуло — будь здоров! — одиннадцать лет. Да шут с ним, тот или не тот, какая разница. Вопрос сам по себе мелкий, стоит ли особенно ломать голову...

С тем Егоров и поднялся на третий этаж, направился сразу в отдел, решать все равно придется на месте.

...Когда Завьялова вызывали в «банку» (застекленная перегородка выкраивала руководству отдела в общем зале кабинет), он обычно сразу же намечал, что спросить у начальника, чтоб сбить его с предмета разговора и иметь при этом выигрыш в темпе. И сейчас, когда шел по коридору, был уже готов начать с Карловки. Там они проектировали клуб. Так вот, значит, — Карловка. А почему нет?.. Объект стоит в плане, сроки проходят, а заданий до сих пор не получили. Более того, по Карловке взяты сообразительности! (Завьялов — профорг отдела.) Поэтому, занятый стратегией, Завьялов слишком уж агрессивно вскинул свою красивую голову и резко обернулся, чтоб узнать, кто это его окликнул. Но тут же оторопел — неужели Егоров?!.. Глазам не верил.

— О! Николай... Федорович, кажется?.. — от растерянности он как-то слишком изумленно вскинул брови и вдруг неожиданно снисходительно проговорил: — Егоров?.. У нас?.. Какими судьбами?..

Егорова такое экспрессивное приветствие человека, которого он сам едва помнил, смутило и насторожило. Теперь и он уже, что ему совсем несвойственно, как-то потерянно и даже виновато развел руками:

— Да вот... приехал. Дела, понимаешь...

Но улыбнулся Егоров при этом так знакомо, что Завьялов почти физически ощутил невнятную боль. Он собственно еще не мог даже понять, в чем тут дело; ведь тоже видел Егорова впервые после студенческих лет, но похоже было, что в сию минуту он уже получил удар, который сгоряча не чувствуешь, кажется, что пустяки... Стараясь преодолеть свое острейшее смятение, Завьялов как-то судорожно передернул плечами и, нахмутив брови, заявил Егорову слишком категорически:

— Извини, меня руководство вызывает! Впрочем, я скоро освободиться должен. Подожди пока!

— Так это же по моему вопросу и вызывает! — поспешил остановить Егоров. — Идем, я тебе сам все расскажу!

— То есть как это «идем»? — Завьялова слегка покорибила бесцеременность провинциального гостя. — Меня ведь вызывают!

Егоров добродушно улыбнулся, но теперь эта его улыбка вроде бы и не задела Завьялова...

— М-да! Строго тут у вас!

Завьялов почему-то обиделся:

— Что значит — у нас? Какой-то порядок везде должен быть!

В «банке» стоял галдеж, начальник отвечал сразу троем посетителям, и Завьялов, нервничая, покусывая верхнюю губу, дожидался, когда же до него дойдет очередь. А рядом пыхтел Егоров, и Завьялову казалось, что тот про себя посмеивается.

Наконец начальника куда-то сверхсрочно вызвали, он на ходу бросил Завьялову: «Да, да, займитесь с товарищем!» — и вообще исчез.

— Вот так всегда! — пояснил Завьялов Николаю.

Егоров невинно поддакнул и хотел было сразу о деле, но собеседник остановил его широким гостеприимным жестом:

— Остынь! В кои веки встретились!.. Нам-то есть что вспомнить! — И тут он как-то слишком уж лукаво подмигнул Николаю, словно намекая на что-то очень интимное.

Егорова так это поразило, что в растерянности он даже не нашелся что ответить, его физиономия просто-душно отражала полное недоумение. Завьялов подозрительно покосился на него и нейтрально предложил:

— Идем перекурим пока.

— Так ведь я некурящий, — напомнил Егоров. Но этот виноватый тон раздражал уже не только Завьялова, но и его самого. И Николай никак не мог понять, что его все время выбивает из колеи в этом разговоре, который никак не входит в устойчивое деловое русло.

Устроились в каком-то коридорном закоулке. Завьялов пустил длинную струю дыма и начальственно-нисходительно предложил:

— Ну давай! Что ты, где ты, как ты?.. Растолстел, я смотрю...

— Да все нормально... в тресте я...

— Постой! — требовательно перебил Завьялов. — Мне кто-то говорил, ты начальником участка был? Тебя что ж это, турнули?..

«Во! Допрос какой?» — добродушно хмыкнул Егоров, но ответил обстоятельно:

— Было дело. Только я уж и подзабыл, когда в старших прорабах числился! Лет восемь назад.

А Завьялов с удовольствием пустился в рассуждения:

— Ну, на производстве продвинуться — раз плюнуть! Не то что здесь, в конторе... Много инженеров мы нап-

лодили, вот в чем беда! Ничего, не робей, брат! — Он радостно похлопал Николая по плечу. — Где наша не пропадала! Кому-то надо и на рядовых должностях повкалывать, так сказать. Верно?

— В общем, верно, — вяло согласился Егоров.

Он хотел было намекнуть, что пора бы и к делу пристлизиться, но Завьялов скомандовал сам:

— Ну, давай! Что там у тебя за дело? Выкладывай! Или так! Идем я тебя раздену, а то ты уж весь взмок... Слушай, а где дубленку достал, а?.. Да и вообще вид у тебя такой, знаешь, ну... скажем, заместитель управляющего, это как минимум!

Он принялся разворачивать Егорова и досконально осматривать, словно тут же намерен был выяснить, по одежке ли тот протягивает ножки. Потом вздохнул, решительно направился к урне выбросить окурки и, возвратившись, энергично потянул Николая в зал, подсел к своему столу, словно к пианино.

— Вот здесь все у нас и происходит! Сотрудница уволилась, я временно эти два стола занимаю. Так вот, просторно...

— Виктор Васильевич... — к Завьялову подошла Татьяна Цветкова, техник из его группы. — Я хотела...

— Ну, занят же я, Танечка! Занят! Товарищ — приезжий, а я не Цезарь, я не умею делать все сразу: и то, и это, и пятое...

Егоров украдкой взглянул на часы, дело уже шло к десяти. В двенадцать надо быть в министерстве. Час на дорогу, в крайнем случае — минут пятнадцать, если на такси.

— Ну, говори, говори, что там у тебя за вопрос! А то я вижу, ты уже и на часы смотреть начал!

— Я к тебе по резервуару в Нагорном. Вот вы тут «привязали» типовой проект нам...

— Стоп! Стоп! Стоп! — перебил Завьялов, значительно приложил палец к губам и после паузы оглядел зал: — Девочки, нельзя ли потише? Галдеж как на базаре! — и почти без перехода объявил Егорову: — По этому вопросу полгода назад приезжал от вас товарищ. Мы все ему доступно рассказали. Он что, не понял нас?.. — Завьялов застыл с напряженной миной недоумения.

— Да приезжал, приезжал, — согласился Егоров. — Но дело все в том, что этот резервуар уже построен. Ти-

повые панели мы заменили своими. Типовых-то нет, а наши лежат неликвидами. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну вот. Теперь резервуар надо сдавать.

— Сдавайте, — согласно кивнул Завьялов, не скрывая, что работает под дурачка.

Егоров понял, что здесь он ничего уже не решит и придется идти к директору. Но даже если директор и прикажет согласовать, то Завьялов найдет сто причин утопить дело в формальных отписках, которые по существу своему будут неуязвимы. Николай вздохнул и пояснил терпеливо, спокойно, чтоб не раздражить Завьялова упрямством:

— При сдаче от нас потребуют ваше согласие на замену панелей.

Завьялов сочувственно кивнул и длинно потянулся; морщась, стал массировать плечо.

— Ну так как?.. — все еще с надеждой спросил Егоров.

Завьялов развел руками и посмотрел на бывшего сокурсника умными, преданными глазами. И тот понял, что он сейчас скажет о товарище, которому все объясняли. Егоров потупился, заставляя себя промолчать. «Эмоции к черту! Эмоции к черту!» Наконец Завьялову стало его жалко, и он сделал одолжение, принялся перечислять монотонно и равнодушно:

— До того, как начать монтаж (пауза), вы должны были (пауза) представить проектные материалы. Решения. В части замены. Панелей типовых панелями вашими. — Тут он взглянул на Николая и добавил нормальным голосом: — Тогда бы мы это решение с вами согласовали, и вы бы с чистой совестью приступили к строительству. При сдаче — никаких хлопот! — Он поднял указательный палец и добавил: — Плюс дат, кви ин темпоре дат! — дважды дает тот, кто дает свое временно!

На Егорова латынь никакого впечатления не произвела. Он тускло произнес:

— Есть это решение. — Мягко подвинул к себе папку и достал листки, осторожно протянул Завьялову, чтоб не рассердить его. — Вот эскизы.

Тот бросил косой обиженный взгляд на чертежи и с каменным выражением уставился в окно, коротко бросив:

— Это не эскизы.

— А что же это? — искренне изумился Егоров.

— Это бумажки, — холодно пояснил Завьялов и добавил: — Бумажки, на которые я и смотреть не хочу.

— Почему?

— Потому! — Завьялов продолжал изучать окно.

— Ну а все-таки?.. — Егоров прикидывался тупым.

Завьялов прикрыл глаза, вздохнул и взглянул на партнера: может, тот просто издевается над ним? Но Егоров твердо глядел в пол. Завьялов сдался и положил ему руку на колено. — Старик... — он одним пальцем придвинул листок к себе, — это ведь все несерьезно! — Он еще раз взглянул на листок и с искренним участием пояснил: — Понимаешь... мне просто неохота вдаваться в сугубо технические детали... Ты только не обижайся... — Завьялов замялся, стараясь выразиться поделikatнее. — Это вопрос не твоего уровня.

Николай поднял глаза и удивился:

— То есть?

— Ну что «то есть»? — раздраженно повторил Завьялов. — Ты в тресте, да?

— Да.

— Ну так вот. Пусть приезжает ваш начальник технического отдела. Да тут, пожалуй, и главному инженеру треста не зазорно было бы к нам пожаловать.

Егоров усмехнулся и как-то неопределенно качнул головой.

— Что? Обиделся? — Виктор снял руку с его колена и дружески, якобы в знак полного равенства, потрепал Егорова по плечу: как-никак однокашники! — Не надо, старик! Это лишнее. Дело есть дело, — повторил он егоровскую фразу, сам того не подозревая, и встал. — Извини, я сейчас. Ты тут поразмысли пока!

Завьялов подошел к Цветковой, склонился к листу, короткая складка прорезалась посредине лба.

— Танечка! Не рисуй красиво, прошу тебя! Твой лист не должен быть красивым. Это не натюрморт. Чертеж должен быть правильным. — Он взял со стола карандаш, поставил на монтажной схеме и на сечении три крючка. — Это все проверь. Неверно.

Таня вздохнула, кивнула хорошенькой головкой, меланхолично взглянула на Егорова, но, поскольку тот подбадривающе мигнул ей и усмехнулся, она скорчила ему рожицу.

Завьялов вернулся к Егорову, пригласил в коридор: — Идем перекурим! У нас сейчас зарядка будет.

Егоров взглянул на часы, ужаснулся: уже одиннадцать, к делу фактически не приступали.

— Ну! Чего хмуришься? — полуобнял его Завьялов. — Я ведь тебе искренне... с открытой душой рассказал. Пусть ваш главный инженер приезжает — и все! Чего тебе на себя брать! Хороший подчиненный должен уметь заставить своего начальника поработать! Командировку мы тебе отметим, погуляй тут у нас, столицу посмотришь!

Егоров вздохнул, как-то бесцветно произнес:

— Так ведь я и есть главный инженер. Кому ж, как не мне, это все решать?..

Завьялов отвлекся, кого-то высматривал в глубине коридора, затем, спохватившись, переспросил:

— Что? Что?.. Ты что-то сказал?..

— Что сказал? — не понял Николай, и Завьялов, горячась, потребовал:

— Ну вот только что сказал... «главный инженер»! Что, главный инженер? Я прослушал.

— Так я ж и есть, говорю, главный инженер нашего треста «Промспецстрой», — повторил Егоров и опять взглянул на часы.

Виктор вдруг закашлялся, сильно покраснел, кое-как наконец продохнул и помотал головой. Потом крикнул, жалко улыбнулся:

— Жестоко... старик! Жестоко...

Дрожащая улыбка его тянула книзу левый уголок рта.

— Что... жестоко? — Егоров нахмурился и недоуменно отступил.

— Недозволенными приемами, старик, действуешь! — Завьялов вскинул голову и, не скрывая обиды, взглянул Николаю прямо в глаза... — Таким дураком ты меня сделал, дальше уж некуда... Правда, вот дубленка... — он снова криво усмехнулся, — по дубленке можно было б догадаться...

Недоумение не сходило с лица Егорова, Виктор раздраженно выговорил:

— Ну, брось, брось! Не делай вид, что не понимаешь! — И тут же хмыкнул: — Да, старик! Такие дела!.. Впрочем... — Завьялов испытующе-укоризненно смерил однокашника, — все закономерно. В наше время под-

ножки — отличное средство! Так, чтоб брык — и с копыт твой соперник!..

— Ладно! Кончай! — хмуро прервал Николай. — Давай ближе к делу!

— О! — восхитился Завьялов. — Это уже голос не мальчика! Если бы ты так и начал, я бы сразу понял, с кем имею честь! А то ведь подъехал ко мне так... эдак — он изобразил ладонью лавирующее движение.

Лицо Егорова оставалось непроницаемым, Виктор вдруг обреченно взмахнул рукой:

— Ладно, не злись! Сам я виноват... как всегда!

Снова они подсели к столу Завьялова, Николай протянул ему эскизы, лист упал на пол. Завьялов хотел было наклониться, но Егоров опередил, и он язвительно усмехнулся.

— Мы роняем... — многозначительно протянул, — чтобы поднять! Не так ли?..

— Да уж ты поднимешь, как же! — буркнул Егоров, доставая эскиз и кладя на стол.

— Итак! — Завьялов удивленно вскинул брови и отчеканил: — Почему мы не можем согласовать замену панелей? Нет расчетов — раз! Панели ваши другого сечения — это два! Стало быть, все узлы примыканий — другие. По высоте ваши панели — больше, а значит, объем резервуара увеличится, ну и как следствие — изменится отметка либо днища, либо верха, чудес не бывает, так ведь?..

— Нет, не так, — главный инженер слегка наклонил голову, взглянул исподлобья Завьялову прямо в глаза, так что тот опасливо отстранился и коротко пропел: «Тра-ля-ля!» — Мне, Завьялов, пора уходить... к сожалению! Но могу тебе пообещать только одно: ваш институт согласует мне панели!

— Ни-за-что! — с таким удовольствием протянул Виктор, что невольно рассмеялся и возбужденно потер руки. От ощущения своего торжества его даже залихорадило. — Ты, Егоров, конечно, большой человек, но в данном случае все зависит от человека маленького. От Завьялова. Ты пойми: начальству некогда, поэтому все здесь на месте решаем мы — такие вот серенькие руководители групп, коим несть числа. Мы — как комары. Один комар — можно стерпеть, а много — это... бедствие! — Он дурашливо выпучил глаза, и Егоров с трудом

подавил в себе желание врезать ему по уху. Так, чтоб от души. Он сказал:

— Ты, парень, преувеличиваешь. Все будет нормально, панели согласую!

— Нет, Егоров! Можешь поверить: нас нельзя победить потому, что мы неуязвимы. Вам, производственникам, можно приказать сделать невозможное и вы делаете... А нам, мыслителям на зарплату, — ни-за-что! Ибо за спиной у нас — инструкции, СНиПы, нормативы — а это стена! Вон, видишь?.. — Виктор указал на стену, где висели две громадные полки с книгами и справочниками. — Это все — слово закона. А глава первая от Иоанна так и начинается: «Вначале было Слово!» Понял? А далее знаешь что там написано?.. Не знаешь... Такие дела, Егоров. Для вас, производственников, закона нет, и лепите вы все как хотите, а потом приходите к нам, чтобы согласовать халтуру.

Егоров тяжело поднялся, медленно оделся и так, в задумчивости, застыл.

У него как-то неожиданно сник гнев, и так вдруг стало ему жаль этого Завьялова... до пронзительности. Эти его бегающие глаза, нервные улыбочки, неловкие жесты... «Черт его знает, как оно все оборачивается! Ведь сами же говорим всю дорогу о чуткости, а за делами чуть ли не звереем и начисто забываем, что человека-то щадить надо. Да для чего дела-то, если разобраться?.. Для человека же!.. Ну ладно, допустим, что не подпишет он мне резервуар... все равно ведь выкручусь! А Завьялов этот, может, потому как раз и стал таким затравленным, что каждый приходит к нему, вроде меня, и давит. Так не все ж могут выдержать, оно ясно. Ведь чуткость как раз в том и состоит, чтоб слабака защитить! И сила — она тогда сила, когда человек сам тянет, а не за чей-то счет живет».

Завьялов же, видя вконец расстроенное лицо Егорова, тоже как-то сразу смягчился. Он бережно провел рукой по воротнику дубленки и, желая перевести разговор в более спокойное русло, спросил:

— Канадская?

— Австрийская, — отмахнулся Егоров. — Да мне этот кожух сто лет не нужен был! Жена у кого-то купила. Приезжаю из командировки, а она мне: вот тебе подарок! Ну куда тут денешься?..

Виктор резко дернул плечом и раздраженно перебил:

— Да брось ты!..

Ему было просто противно смотреть на этого увальня, которого, казалось, сама природа именно таким и создала специально для издевки над Завьяловым.

А Егоров, чувствуя довольно смутно, что опять он как-то неладно зацепил Виктора, решил тут же чисто-сердечно загладить вину, а может, и просто поддержать его, миролюбиво предложил:

— Слушай, Завьялов! А приходи-ка ты ко мне сегодня в гости! Я в гостинице «Москва», номер четыреста шестнадцать. Кстати, как у тебя дома?.. Ты женат?

Николай добродушно улыбался, и Завьялов уже начал было подтаивать, но в ту же секунду в нем взметнулась боль, в предчувствии которой он был с Егоровым постоянно взвинчен и насторожен, а вот теперь, когда попробовал расслабиться, она хлестнула его, отчетливая, так что ни спрятаться, ни защититься: лицо его Светланки и лицо Егорова в этой проклятой улыбке абсолютно одинаковы. Виктор прикрыл глаза и прислонился к стене.

— Ты что, парень, а?.. — обеспокоенно тронул его Егоров за плечо. — Тебе скверно?

— Да, старик... — Завьялов не мог поднять глаза и взглянуть на Егорова, потому что теперь уж он только и будет искать черточки Светланки в его губах, подбородке... С трудом произнес: — Я ночь не спал, устал... Ты вот что... Ты уезжай... Я тебе согласую панели, не волнуйся.

В лице Николая промелькнула какая-то тень, то ли подозрение, то ли удивление, он озадаченно произнес:

— Я думал, у тебя с сердцем...

«Не надо паники! — придержал себя Виктор, и тут же его буквально пронзила простая мысль: — Да ведь Егоров-то ничего не знает! Ровно же ничегошеньки! Он и вопрос-то глупый задал: «Ты женат?»...»

Завьялов разудало тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и уже во все глаза рассматривал Николая.

— Ну так что? — развязно спросил он, снова испытывая чувство явной победы. А полное неудоение, так искренне отразившееся на лице Николая, только подхлестнуло его мысли. Ну какой же все-таки идиот этот Егоров! Он до сих пор не знает, что у Ларисы от него дочь. И что он, Завьялов, вот уже почти десять лет муж Ларисы и отец Светланки. Значит, Лариса так ничего

ему и не сказала... Ну так она и не скажет, тут можно не волноваться, она — кремень. Особенно в таком деле. А они поженились, когда Егоров уже уехал... Ну да, все совпадает. И теперь, даже если Егоров случайно встретит Светланку на улице, они прекрасно разминутся и не узнают друг друга. Узнают — это в кино. В жизни такого не бывает. — Чтобы узнать, надо знать! Правда, Егоров? — спросил Виктор и нервно рассмеялся, чем окончательно сбил Николая с толку. Тут же мысленно объяснил ему: «Егоров! Ты — типичный производственник! Ты слишком обыкновенен и прямолинеен. Ты, например, даже представить себе не можешь, каким я стал комиком! Сколько лет мы не виделись? Много, да? Ну так вот! В твоей бесцветной жизни так все было легко, что ты просто не знаешь, как это можно превратиться в комика. И никогда не узнаешь! Все! Будь здоров, старик! В гости я к тебе не приду и панели не согласую! Ну, посуди сам: вы там халтурите, а мы — согласовывай! Нет, так не бывает!»

Завьялов ссутулился и быстро направился к лестнице, но неожиданно остановился и обернулся:

— Какой номер, говоришь, в «Москве?»

Егоров только плечами пожал, дивясь:

— Четыреста шестнадцать.

— Ну так жди меня. В семь. Ты там один?

— Один.

— Прекрасно! Жди в семь.

Разумеется, работать Завьялов уже не мог. Рассеянно перебирал листы ватмана, потом полез в стол и тут же забыл зачем. Все валилось из рук. «Может, отпроситься у начальника да уйти?..» Решил не отпрашиваться. На прошлой неделе он уже уходил так. Получится, что слишком часто. Он встал, вышел в коридор, закурил. Принялся вышагивать в своем закоулке.

Ларисе надо рассказать все. Сейчас же. Мол, так и так, приехал твой Егоров... А если... она уже знает об этом? И они просто сговорились? Чушь собачья! И резервуар, и панели — все подстроено? Так можно додуматься до чего угодно. А звонить нужно немедленно!

С этим Завьялов ринулся в зал, но телефон был занят. С кем-то опять болтала Цветкова. Виктор в изнеможении сел на свой стул, сцепив зубы, ждал, когда же освободится телефон, и слушал, как Таня азартно перечисляет (оказалось — маме!), что она уже купила и что

еще надо купить, но она не знает, как это у нее получится, потому что в магазинах не сразу все найдешь, надо ходить, а времени нет, и Сонька, как назло, никак не сошьет ей платье, деньги и материал взяла давно, но пока что одни только обещания, наверное, даже не раскроила....

Завьялов тихо покачивался на своем стуле, держался за виски. «Боже мой, боже мой!»

Прошла ведь по сути, вся, вся его жизнь! Все, что могло как-то быть все уже промелькнуло, проехало мимо, промчалось и унеслось.. осталось вот только то, что есть: эта контора, этот жалкий стол и вот эти люди, сырые, малые, одни и те же изо дня в день, со своими заботами, — «наверное, она даже не раскроила», — а он среди них, потому что куда же ему деваться, когда все вот так неумолимо и никак не иначе!

Стоп! Не раскисать. Изменить ничего нельзя, надо просто жить, и все. Если смотреть на солнце без защитных очков, можно ослепнуть, а понятнее от этого солнце не станет. И так, спокойно, сквозь очки; у него, в общем-то, все нормально: работа, зарплата... Даже радость — Светланка! Ну и... Лариса... Почему «ну и»?.. Лариса... Жена. Все нормально. Был счастлив с ней, потом все утихомирилось, вошло в свою колею. Ну-да, ну-да, можно и так, конечно... Все нормально, все нормально, и если каждый день по сто раз повторять, что все нормально, и при этом не свихнуться, так оно и будет нормально... Будет?.. Да! Будет! За спиной — стена, отступать уже некуда. Не стена за спиной. Просто пустота, в которой так легко исчезнуть, свихнуться... А он нужен. Да! Светланке! Он даст ей все, чтоб она так бездарно не проиграла в этой жизни, как он. А как — он?.. Разве он в чем-то виноват?.. Да ни в чем! Это просто ерунда, когда говорят, что человек не может отказаться от своего прошлого! Может! И прекрасно может. Беда только вот... что это прошлое, как правило, начинается тогда, когда и человека-то еще нет. Ну какое, скажите, прошлое у двухлетнего дитяти? . А что это за человек, которому отроду лет одиннадцать и как он определяет свое прошлое?.. Да стрелять ему из рогатки в это прошлое. Ну, а в тридцать, когда, казалось бы, уже что-то прояснилось с этим прошлым и можно было бы отказаться от него в случае чего, тут и оказывается, что, в общем-то, и незачем, ибо все устремления во что-то такое воплотились (или не вопло-

тились), и уже не ты катишь бочку на гору, а она сама тянет тебя вниз с каждым годом все сильнее, успевай только переставлять ноги.

Таня, чувствовалось, уже заканчивает свой разговор с мамой, она объясняла, почему не сможет прийти к ней в четверг, как тут выплыло сообщение, что маме звонил Павел, и Таня с новым азартом приказала не давать ему рабочий телефон ни под каким видом, она его ни видеть, ни слышать не желает, он ей абсолютно неинтересен, а то, что у нее с ним было, давно позабыто, вспоминать же об этом у нее нет никакого желания, тем более что ничего фактически и не было.

Разговору не предвиделось конца. Завьялов глаза открыл, повертел головой и подавил стон. Это все, что было в его силах. Остановить свои мысли он был не в состоянии.

Да! Да! Да! Он не может избавиться от своего прошлого, как бы ни отказывался от него. Оно в нем, оно просто глубинная часть его «я», оно... начавшееся уже тогда, когда он выполз из пеленок и стал различать нечто восхитительное, но еще неясное и неосознанное. Когда же до него стал доходить смысл происходящего, то самые ранние открытия принесли наслаждение. Во-первых, оказывается, что весь этот мир давно уже принадлежит ему; а во-вторых, он своим появлением на свет всех вокруг осчастливил, ибо кого бы он ни встретил, всякий был просто потрясен удачей видеть его — Завьялова-маленького. Ну, это, в общем-то, и понятно. Если даже взрослому человеку окружающие начнут внушать изо дня в день какие-то нехитрые, но приятные его самолюбию соображения, он их рано или поздно примет, а в конце концов и уверует в них, как в нечто очевидное. А если на этом искусственном фоне кто-то отдельный, вдруг окажется, не замечает очевидного, так он просто ненормальный. А тут дитя, которое еще вообще ничего не знает и едва-едва топает по роскошному ковру в громадной квартире, возбуждая изумленный ропот: «Ах, смотрите-смотрите: Завьялов-маленький! Смотрите, смотрите! Это же Завьялов! В нем все завьяловское! Нет, вы только посмотрите!» И это «смотрите-смотрите» изо дня в день, распространяющееся на двор, на улицу, на школу... Можно верить? Завьялов-маленький в себя поверил. Он сразу же разделил всех взрослых на тех, кто знает, что он Завьялов, и на тех, кто не знает. Те, кто знает,